

Священник Илия Ничипоров,
доктор филологических наук, профессор МГУ,
преподаватель КДС

РЕЛИГИОЗНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ О ПОЭТЕ:
«Этюды о Пушкине» С. Франка

В наследии Семена Людвиговича Франка (1877–1950) – видного представителя русской религиозно-философской мысли – относительно немногочисленным работам о литературе принадлежит заметное место. Свойственное отечественной словесности взаимопроникновение философского и художественного дискурсов нередко выражалось в обращении русских мыслителей XIX–XX вв. к интерпретации литературного материала, что открывало путь к образному воплощению их собственных идей и интуиций – как это происходило в работах В.Соловьева, Н.Бердяева¹, С.Булгакова, Л.Шестова, И.Ильина², Б.Вышеславцева и др.

Характеризуя содержание и стиль философских трудов Франка, прот. В.Зеньковский усматривал в них проявления его литературного дарования, чутья к художественному слову³ и особенно выделял в этой связи статью «Гете и проблема духовной культуры» (1932). В данной работе были намечены общие подходы Франка к осмыслению культуры и литературного творчества, которые немногим позднее получают развитие в цикле «Этюд о Пушкине» (1933–1949). По его мысли, судьба и творческий путь автора «Фауста» побуждают в первую очередь вести речь «не о размышлениях над эмпирической биографией Гете, а об уяснении общих духовных начал его жизни»⁴, прозревать как «двуединство культурного творчества и совершенствования личного духа», так и «основную цель, к которой он шел – гармоническое единство личного духовного бытия и бытия соборно-вселенского».

Состоящие из пяти объемных статей, «Этюды о Пушкине»⁵, которые создавались в преддверии и после юбилейного 1937 года⁶, представляют, с одной стороны, опыт построения истории религиозной жизни поэта, а с другой – позволяют увидеть личность и наследие Пушкина в контексте исторических путей России и Европы, их духовного и культурного развития.

Основополагающая в «Этюдах» и самая ранняя – статья «Религиозность Пушкина» (1933). Здесь, с опорой на пристальный мотивный анализ по большей части лирических произведений, выявляются ключевые для творческого духа поэта антиномии. Разнородные внешние

влияния – от французского просветительства до бесхитростной народной веры Арины Родионовны – предопределили «опыт столкновения... рационализма с религиозным переживанием поэтического вдохновения», а впоследствии переплавлялись в более органичное сочетание «религиозного просвещения с простотой, трезвостью, смиренным и любовным благоволением ко всему живому, как творению и образу Божию». Стремясь к глубинному примирению ранней пушкинской стихийности и его позднейших философичности и просветленности, Франк склонен к отчасти апологетической оценке кощунственных мотивов в произведениях молодого Пушкина, направленных, как он подчеркивает, прежде всего против распространенной в высших кругах моды на ложный мистицизм.

Антиномичный подход к проблеме духовного развития творческой личности сопряжен у Франка с расширительной трактовкой самого понятия религиозности. Так, в юношеской поэзии Пушкина он выделяет стихотворение «Безверие» (1817) как свидетельство о первоначальной попытке интеллектуального превозмогания скептицизма, предвестие религиозного восприятия поэзии, ее молитвенного потенциала. Ряд образцов пушкинской лирики уже начала 1820-х гг. («Вечерня отошла давно...», «Люблю ваш сумрак неизвестный...», «На тихих берегах Москвы...» и др.) Франк готов воспринять в качестве «перлов религиозной поэзии», за которыми в ближайшие годы последуют «созревание и углубление духовной умудренности», «нарастание... религиозного сознания» в «Борисе Годунове», «Пророке» – этом «величайшем творении русской религиозной лирики» – и во многих иных произведениях.

В концепции Франка религиозность Пушкина не ассоциировалась напрямую с церковным чувством, с явными обращениями к Богу и Небесным Силам, но незримо откристаллизовывалась в творческом преломлении разнообразных жизненных впечатлений. Это и трепет перед тайной творческого вдохновения; и глубоко религиозное созерцание «красоты природы», «божественности любви и женской красоты»; и отношение к сосредоточенному уединению, к родным местам, проникнутое «чувством укорененности личной духовной жизни в почве, из которой она произросла» и являющее «связь духовного индивидуализма с духовной соборностью»; и развивающийся у зрелого Пушкина мотив обновления и нравственного очищения души. Как полагает Франк, поступающая с годами «чистота... религиозно-эстетического чувства» поэта обусловлена преодолением языческих и пантеистических интенций, вследствие чего «языческий, мятежный, чувственный и героический Пушкин... вместе с тем обнаруживается нам как один из глубочайших гениев русского христианского духа».

В статье «О задачах познания Пушкина» (1937) Франк принимает во внимание опыт предшествующей литературно-критической пушкинианы, учитывает в том числе традицию религиозно-философского осмысления личности и творчества поэта (В.Соловьев, Д.Мережковский и др.). Избегая развернутого теоретизирования, он размышляет о внедоктринальном характере пушкинского философствования, которое рождается в органичной связи поэзии и мысли, во «всегда простых фиксациях интуиций», возникающих «как бы изнутри самой жизни». Для уяснения своеобразия автобиографизма в произведениях поэта здесь предлагается понятие «духовной личности», находящей воплощение в образном мире, «идеях» его произведений и превосходящей «эмпирический опыт творца». Рассматриваемые Франком пушкинские «идеи» «равнодушной» природы, домашнего очага, уединения, просветляющего душу страдания, воспоминания, прорастая на почве эмпирической действительности, возвышаются до преображенного бытия в сфере творчества и приоткрывают тайну «целостного духа поэта».

В плане художественной гносеологии Пушкин, как убеждает Франк, явил в своей духовной личности образ «наивного мудреца», «ведателя жизни», чье самопознание и познание мира сквозь призму «гениально-наивного символизма» оказываются «имманентными явлениям жизни»: «Как ему нет надобности “искать вдохновения” (“искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудой”, – говорил он), так ему нет надобности самому задумываться над “смыслом” своего творения (“вот на! Цель поэзии – поэзия”). Он не ищет и не дает “миросозерцания”: он занят в поэзии простым миронаблюдением или простой исповедью своей духовной жизни; он есть чистое “эхо” мирового бытия, внешнего и внутреннего. Но так как это есть отклик поэтический, то простое описание и простое признание становится мудрым откровением».

Отсутствие всепоглощающей концентрации на собственном лирическом «я» становится у Пушкина предпосылкой «универсализма», «почти безграничной широты» его творческого духа, несущего в себе «откровение общечеловеческой духовной реальности». Прикасаясь к тайне внутренней жизни творческого «я» поэта, Франк для вербализации этого явления избирает язык антиномий. Нередко посещавшее поэта переживание хандры, его бегство из города в деревню, находившее порой упоение культом гордого одиночества и даже «ведение мрачных демонических сил» на определенном этапе сердечного бытия пробуждали «муки совести», душевные страдания, желание перевести картину исторической жизни и текущей повседневности в «область религиозного примирения и просветления»: «Кажется, доселе еще недостаточно усмотрено, что в художественном изображении нравственного

начала Пушкин не имеет себе соперников, даже в лице Достоевского, у которого чисто нравственный момент духа все же поглощается отчасти сферой инстинктивных реакций, отчасти – началом религиозным. Нравственное страдание – муки совести – ведет дальше к радости и успокоению нравственного очищения, духовного катарсиса (тема возрождения, очищения от страстей и заблуждений, духовного преображения). Параллельно этому пути нравственного очищения идет путь через момент духовного творчества».

Суждения о «жизнерадостности», о «вечно детском в духе Пушкина» соединяются у Франка с различием сложного, подвижного, отнюдь не бесконфликтного соотношения как христианских, так и далеких от Христовой истины сторон религиозного чувства поэта: «В этой сфере раскрывается... оригинальное религиозное начало пушкинского духа. Как все у Пушкина, оно отличается богатством разнородных оттенков... Его непосредственные корни лежат в религиозном опыте, который ему дает поэтическое вдохновение, восприятие красоты природы и женщины и эротические переживания. Оно объемлет моменты и языческой религиозности (культ пенатов, “хвалебный гимн Творцу миров”, слышимый в морском прибое, панический трепет перед устрашающей красотой идолов), и ветхозаветной (“Юдифь”, “Песнь песней”), и магометанской (“Подражания Корану” – всемогущество Божие и ничтожество “дрожащей твари”). Оно сочетает чувство имманентного присутствия божественного начала в природе и человеческой душе с острым чувством трансцендентности, потусторонности (это сочетание особенно ярко в смелости эротической религиозности – ожидание загробного “поцелуя свидания” – “Заклинание”, “Бедный рыцарь”). Оно достигает адекватного христианского своего выражения в таких стихах, как “Отцы пустыньники” и “Странник”. И его общий и основной итог – благостное примирение с жизнью через внутреннее преображение личности, преображающее мир и дающее ощутить его божественность – есть самое адекватное выражение русского религиозного духа».

Пушкинское прозрение трагизма индивидуального и исторического бытия и поиск религиозных путей его преодоления – такова главная тема позднейшей работы Франка «Светлая печаль» (1949). Скрупулезный мотивный анализ не только лирических стихотворений, но и крупных эпических полотен поэта раскрывает грани пушкинской философии трагизма. «Объективное описание трагического начала в человеческой жизни» выявлено Франком в «Борисе Годунове», «Полтаве», «Медном всаднике», в романе «Евгений Онегин», который прочитывается им как история «трагического крушения всех трех жизней», в «Капитанской дочке», запечатлевшей «трагическое вторжение ужасов пугачевщины»,

а также в «Дубровском», «Пиковой даме», «Выстреле»... «Обнаружение трагизма греховной человеческой души» в образах Бориса Годунова, Мазепы, Онегина позволяет установить содержательное родство исторических и исповедальных произведений Пушкина – таких, как стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829), «Элегия» (1830), где «глубокий психологический опыт», пронизанный «памятью смертной», видением «всей человеческой жизни, осененной темным крылом неизбежной смерти», обогащен, по Франку, истинно христианским чувством и в этом смысле противоположен шопенгауэровскому тотальному пессимизму. Как доказывает автор статьи, Пушкин творчески распознал социальные и метафизические истоки одиночества, разрыв между ритмами духовной жизни и внешним ходом бытия, угрозы «со стороны иррациональных, хаотических, мятежных страстей самой человеческой души», предвосхитил Достоевского «в остром восприятии темного мира человеческих страстей» – и в то же время смог осуществить выход за пределы трагизма «в уединении, в тихой сосредоточенности размышления и творчества», в «глубине мистического самосознания», «поэтическом восприятии красоты», но самое главное – в христианском смирении перед неразрешимыми контрастами земного бытия, «утешающем и просветляющем религиозном сознании», плодом которого явилось «настроение общего любовного внимания к людям, в силу непосредственного религиозного ощущения значительности и святости всякой, даже самой ничтожной, человеческой души, драгоценности человеческой личности как таковой».

Обращаясь к общественным взглядам и идеалам поэта, Франк в статье «Пушкин как политический мыслитель» (1937) выражает уверенность в том, что уроки катастрофы 1917 г. и последующий исторический опыт обуславливают необходимость уточнения представлений о пушкинских политических воззрениях. Движение от юношеского революционного радикализма к идеалу конституционной монархии, развитому «государственному сознанию» связывается Франком с вызреванием в творчестве поэта концепции консерватизма, основанной на приверженности культурно-историческому преемству, мирной непрерывности исторического развития и, что особенно значимо, на «дуализме принципов государственной власти и духовной независимости личности». С точки зрения Франка, умеренный монархизм Пушкина, сочетающийся с «любовью к свободе и культуре», религиозно значимым чувством рода, органично уравновешен у него «общим принципиальным утверждением независимости личности в частной жизни». Парадоксальным образом монархия в России, начиная с Петровской эпохи, оказывалась, по Пушкину, подверженной гибельной для нее самой революционности, она «легко

подпадает искушению... недооценить культурное значение независимых высших классов и в интересах абсолютизма пытаться их ослаблять и связаться с низшими слоями населения. Этим открывался бы путь к уравнительному, губительному для культуры и свободы деспотизму, и, по мнению Пушкина, монархия, по меньшей мере со времени Петра, вступила на этот гибельный путь. Пушкин защищает точку зрения истинного консерватизма, основанного на преемственности культуры и духовной независимости личности и общества, против опасности цезаристски-демократического деспотизма». В свете пережитой революции эти опасения поэта расцениваются Франком как пророческие, ибо «с крушением русской монархии русский образованный класс, а с ним и свобода, были поглощены внезапно хлынувшим потоком “демократического якобинства”, того стихийно-народного “пугачевского” “большевизма”, который – по крайней мере в 1917–1918 годах – составил как бы социальный субстрат большевистской революции».

Во многом опережая свое время, поэт, как показано в статье Франка «Пушкин об отношениях между Россией и Европой» (1949), предначертал возможности плодотворной консолидации и синергии западнической и почвеннической позиций: «Никогда не переступив, как известно, западной границы России, он глубоко воспринял в себя западную культуру, воспитался сначала на Вольтере и французской литературе, потом на Байроне, Шекспире и Гете. Но он не перестал от этого не только быть, но и чувствовать себя русским человеком. В его душе утонченнейшие влияния западной культуры мирно уживались с наивным русским духом, жившим в нем и питавшимся народными сказками няни Арины Родионовны. Он любил Россию Петра, стихию Петербурга, но он любил и Москву и Древнюю Русь, и никогда у него не возникал вопрос о несовместимости того и другого». Мысль о «наивном русском духе» поэта уточняется у Франка тем, что характерная для Пушкина «укорененность в родной почве» не оставалась на уровне стихийной привязанности, но была обусловлена осознанным видением Православия как мощной творческой силы в истории русской культуры и государственности, тем, что он «чисто религиозно чувствовал свою близость к православному благочестию, ощущал себя сам православным человеком... Философскую мысль, лежащую в основе этих чувств и мыслей, можно лучше всего выразить в короткой, но многозначительной формуле: чем глубже, тем шире. Только в последней, уединенной, глубине человеческого духа, питаемой традицией, воспоминаниями детства, впечатлениями родного дома и родной страны, человек, соприкасаясь с последней “несмертной”, таинственной, божественной глубиной бытия, тем самым обретает свободу, простор для сочувственного восприятия всего общечеловеческого».

Малоизученные на сегодняшний день «Этюды о Пушкине» С.Франка позволяют полнее представить панораму развития религиозно-философской литературной критики русского зарубежья, ее идейный мир, характерные подходы к анализу художественных текстов. Введение этого материала в научный оборот открывает путь к взвешенной дифференциации оттенков религиозного чувства Пушкина, нашедших выражение как в лирико-исповедальных произведениях, так и в его историософских и политических интуициях. основополагающими для исследования Франка стали осмысление антиномичного единства творческой личности художника, а также приближение к построению его духовной биографии.

¹ Ничипоров И.Б. Литература в призме философии: Н. Бердяев о романах А. Белого // <http://portal-slovo.ru/philology/41770.php>

² Ничипоров И., священник. Христианское осмысление русской литературы в статьях И.А. Ильина // Труды Коломенской духовной семинарии. Вып. 10. Коломна, 2015. С. 30–36.

³ Зеньковский В.В. История русской философии // http://krotov.info/libr_min/08_z/enk/ovsky_40.html

⁴ Франк С.Л. Гете и проблема духовной культуры // <http://www.odinblago.ru/path/35/5>

⁵ Франк С.Л. Этюды о Пушкине. 3-е издание. Paris, YMCA-PRESS, 1987. Тексты С.Л. Франка приведены по этому изданию.

⁶ По обнаруженному в 1957 г. свидетельству семьи С.Л. Франка, «в своем завещании Семен Людвигович Франк писал: “Из напечатанных статей можно было бы подумать об издании «Этюд о Пушкине»”. При этом он перечислял пять статей о Пушкине, напечатанных в разное время в журналах, в большинстве своем ставших теперь недоступными русскому читателю за границей. Во исполнение его воли и в уверенности, что мысли С.Л. о Пушкине представляют собой большой интерес и поныне, мы предлагаем эти пять этюдов вниманию читателей» (Франк С.Л. Этюды о Пушкине. С. 7).